

Игорь БАРИНОВ,
Иван СТРЕЛКОВ

БУДУЩЕЕ БУКОВИНЫ В КОНТЕКСТЕ РУССКИХ*, УКРАИНСКИХ И РУМЫНСКИХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ НА ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 1919 г.

Парижская мирная конференция, открывшаяся после завершения Первой мировой войны, стала новым этапом передела мира. На ней вопрос стоял о будущем не только крупных и богатых природными и экономическими ресурсами территорий, таких, как Рур или Силезия, но и регионов, значительно меньших по площади и менее значимых для мировой политики. Одним из таких регионов была Буковина.

Для лидеров стран-победительниц она была отдаленной и малозначимой областью. Однако для представителей «белого» движения, украинцев и румын вопрос о Буковине был весьма важным. Для правительства Колчака уступка Буковины, которую дважды в ходе войны занимали русские войска, означала неприятный прецедент, мешающий делу воссоздания единой и неделимой России. При этом, во-первых, необходимо иметь в виду, что основной задачей «белых» было договориться с союзниками по гораздо более важным политическим и территориальным вопросам; во-вторых, Россия никогда не владела Буковиной. Для украинских националистов потеря края стала бы серьезным ударом как по их политической программе, так и по созданию независимого единого украинского государства и единой украинской этнополитической идентичности. Для румын присоединение Буковины являлось важным фактором на пути осуществления концепции «Великой Румынии» (*România Mare*), основанной на максимальном расширении границ за счет со-

* Под русскими предложениями в данной статье понимаются требования Российского правительства Колчака и его представителей за границей.

предельных территорий под лозунгом борьбы за национальное объединение.

В данной статье проведен анализ взглядов русских, румынских и украинских политиков на будущую принадлежность Буковины. Цель — показать основы каждой из концепций, сравнить их, определить их реальное значение. В основу статьи положены как опубликованные, так и архивные документы. Впервые введенные в научный оборот документы, характеризующие позицию «белых», находятся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), в фондах Р-200 (Министерство иностранных дел, Омск) и Р-5834 (Военно-исторический и статистический комитет при Русском политическом совещании в Париже). Эти проекты предполагалось представить Парижской мирной конференции для установления послевоенной русской границы. Полезным источником, характеризующим взгляды пророссийски настроенной части русинской общественности, которая смотрела на славянское население Буковины как на своих соплеменников, является газета «Карпаторусское слово», выходившая в Омске с конца 1918 г. В целом выбранные источники позволяют осветить обозначенную проблему должным образом.

Буковина: к предыстории вопроса

Изначально Буковина входила в состав Киевской Руси, в середине XIV в. была присоединена Венгерским королевством, однако вскоре перешла под власть Молдавского княжества. В XVI в. Молдавия и, следовательно, Буковина попали в зону влияния Османской империи. В ходе русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Буковину заняли русские войска, а в 1775 г. ее уступили Австрии. Немецкий историк Ханнес Хофбауэр указывает, что австрийское правительство фактически купило Буковину, раскинув «широкую сеть взяточничества»: так, молдавский господарь Григорий Гика пытался воспрепятствовать намерениям Вены, предложив русскому фельдмаршалу Румянцеву «православную стратегию взамен римско-католической экспансии» в Буковине, однако фельдмаршал не принял предложение господаря¹. Для обозначения статуса новоприобретенной территории были специально введены понятия «Австрийская Молдавия» и «Турецкая Молдавия», но уже в 1786 г. Буковина была присоединена к Галиции и превратилась в глухую австрийскую провинцию, которой долгое время никто не интересовался.

Наметившийся после революций 1848-1849 гг. подъем самосознания и национального движения русинов, восточно-славянского населения Австрийской Галиции, сразу принял противоречивый характер. Русины по сути оказались между двумя центрами тяготения – монархией Габсбургов и Россией. По мере уменьшения революционной эйфории у галицийского и буковинского населения этнический фактор постепенно начал подкрепляться политической составляющей, а именно - принадлежностью к «москвофилам» (ориентированным на Россию и единение с великороссами) или «украинофилам» (ориентированным на Австрию и создание собственного национального государства с привязкой к топониму «Украина»). Стоит отметить, что у буковинцев вопрос политической принадлежности не стоял так остро, как у галичан, хотя украинские националисты впоследствии и подчеркивали приверженность буковинцев украинской идее². Требования румынского населения края сдерживались политикой имперского правительства, не в последнюю очередь из-за наличия в Буковине значительного немецкого меньшинства. Современники нередко сравнивали главный город провинции – Черновцы – с Веной. При этом ни германизации, ни славянизации края не проводилось³. Австрийская литература тех времен писала об этническом составе Буковины очень размыто, хотя и отмечала, что румыны на ее территории стали появляться только по окончании татаро-монгольского нашествия в XIV в., когда самостоятельной Румынии еще не существовало на карте Европы⁴.

Между тем в Трансильвании и других областях Австрии проживало порядка трех миллионов румын, положение которых не могло не заботить правительство Валахии, освободившейся от турецкого сюзеренитета и также охваченной национальным подъемом. Однако, согласно данным на 1910 г., в Буковине проживало, без учета других народов, примерно поровну русинов и румын (305,1 тыс. и 273,9 тыс. чел. соответственно)⁵, т. е. край не мог быть однозначно привязан к тому или иному этносу. При этом незначительная разница в пользу украинцев впоследствии многократно подчеркивалась представителями украинского движения наряду с тезисом об использовании русинского языка в Буковине наравне с немецким⁶.

Еще в начале XX в. территории Австро-Венгрии, населенные русинами, стали своего рода местом притяжения для многих деятелей украинофильского движения, не имевших возможности легально печататься в Российской империи из-за подозрения их

в сепаратизме. Именно в это время некоторые видные деятели движения выдвинули требование создания независимой украинской державы, в состав которой они включали австро-венгерские Галицию, Буковину, Холмщину и Подкарпатье, а также некоторые территории Южной России (в том числе Кубань и Северный Кавказ). Такой явный антагонизм России был обусловлен не только устремлениями националистов, но и австрийской пропагандой, объявлявшей русинов-украинцев и русских «различными во всех отношениях народами»⁷. После Февральской революции и образования Украинской народной республики (УНР), а затем – заключения сепаратного Брестского мира с Германией в январе 1918 г. украинофильское движение обрело, как казалось его представителям, реальную возможность для собирания всех прежних украинских земель в рамках одного государственного образования. В то же время, на исходе Первой мировой войны, 27 октября 1918 г. в Черновцах состоялось Народное собрание румын Буковины, которое приняло решение о создании Национального Совета Буковины⁸. Украинцы в свою очередь 3 ноября объявили о вхождении большей части Буковины в состав УНР. Однако решение украинского собрания не имело под собой реальной силы: в УНР, находившейся под властью гетмана Скоропадского, назревал политический кризис в связи с поражением Австро-Венгрии и Германии. Румыния же двинула в Буковину войска, в результате чего 11 ноября Черновцы были заняты румынами, а уже 15 ноября Всеобщий съезд Буковины, на котором румынские депутаты обладали большинством, объявил о вхождении края в состав Румынского королевства⁹. Окончательно Буковина была закреплена за Румынией по Сен-Жерменскому договору в 1920 г. Впоследствии румынское правительство не признало украинцев Буковины как нацию – официально они стали именоваться «гражданами румынского происхождения, забывшими родной язык»¹⁰.

Буковина и Белое движение

Политики и дипломаты Белого движения рассматривали вопрос о будущем Буковины как составную часть общей дискуссии о послевоенных границах России и ее новом международном положении. Эта дискуссия велась как собственно «белыми» политиками (преимущественно в Омске), так и крупными фигурами русской эмиграции, организовавшими в конце 1918 г. Русское политическое совещание в Париже (*далее – РПС*), и шла в рамках

подготовки к участию русской делегации в Парижской мирной конференции. Ее задачей была выработка и представление союзникам как общих принципов внешней политики Белого движения, так и конкретных предложений по разрешению спорных территориальных вопросов.

«Белые» не признавали Брестский мир и считали Россию полноправным членом Антанты. Однако они не могли не видеть, что после двух русских революций 1917 г. и завершения мировой войны международная обстановка, в которой заключались столь важные для России договоры, существенно изменилась. Европа к востоку от Одера представляла собой конгломерат новых государственных образований, находившихся в процессе самоопределения. Не считаться с этим, говоря о новых границах, было невозможно.

В омском министерстве иностранных дел еще в январе 1919 г. был подготовлен специальный доклад «К вопросу о самоопределении народностей». Его автор — славянофил, управляющий делами II политического отдела В.И. Язвицкий. В докладе автор не отрицал права нации на самоопределение, однако указывал, что национальный интерес не имеет определяющего значения при определении границ¹¹. Государство, считал Язвицкий, формируется на основе экономических, а не национальных интересов населения той или иной территории. Поэтому идея самоопределения была представлена как «идеалистическая надстройка» над экономическими отношениями и интересами.

В тезисном виде отношение «белых» политиков к самоопределению народностей было отражено в докладе министра иностранных дел Российского правительства Ю.В. Ключникова*. В этих тезисах право на полную независимость признавалось только за народами, имевшими ранее свою прочную государственность, но утратившими ее в ходе истории¹² (здесь легко угадывается Польша). Остальным позволялась только автономия. Очевидно, что за подобными теоретическими изысканиями скрывалось желание обойти принцип самоопределения народов. Новые границы, по мнению омского МИДа, должны были в первую очередь отвечать интересам единой России. Такая общая концепция не мешала «белым» применять принцип

* Ключников Юрий Вениаминович — российский и советский юрист, специалист в области международного права. В ноябре-декабре 1918 г. возглавлял МИД Российского правительства адмирала Колчака. С 1919 г. был в эмиграции, в 1923 г. вернулся в СССР. Репрессирован в 1938 г.

самоопределения народов при разрешении конкретных пограничных вопросов как один из аргументов. Так вышло и в случае с Буковиной. В докладе, подготовленном военно-историческим комитетом при РПС, эта бывшая австрийская область была показана в трех аспектах — географическом, историческом и этнографическом. Географический обзор не дал автору доклада возможности говорить о Буковине как об отдельной области с точки зрения топографии: отмечалось, что она имеет лишь одну естественную границу — Карпаты на юго-западе¹³. Прошлые Буковины говорили в пользу того, что вся или большая часть области должна отойти Румынии¹⁴.

И здесь в качестве решающего был выбран этнографический фактор¹⁵. В докладе приведены демографические данные за 1887 г., по которым из всего населения Буковины, составлявшего 627 786 жителей, 42 % относили себя к русинам, 32,5 % — к румынам¹⁶. Характерно, что комментарий к этим данным безапелляционно ассоциирует русинов с русскими, а румын — с молдаванами. В докладе не указаны какие-либо данные о районах с преобладанием русинского или румынского населения, но разграничение предполагалось провести по водоразделу рек Серет и Прут¹⁷. В целом это соответствует данным австрийской карты, составленной на основе переписи 1910 г., где к северу от водораздела указано преимущественно русинское население, а к югу — румынское.

Отметим, что такой исход был бы не только справедлив с точки зрения этнографии, но и удовлетворил бы стратегические интересы России в этом регионе, так как она получила бы Черновцы и Залешики — важные транспортные узлы¹⁸. Таким образом, и государственный интерес, который, судя по работам омских теоретиков, являлся основополагающим при проведении границ, был вполне учтен.

Нетрудно заметить, что доклад содержит ответ только на вопрос о линии русско-румынской границы в Буковине. Условия вхождения края (точнее, его части) в состав России не оговорены. Разработка этих проблем просто не предусматривалась полномочиями комитета: по указанию А.И. Деникина он должен был подготовить русскую позицию по границам, режиму морей, проливов и по союзнической помощи ВСЮР¹⁹.

Если предположить, что «белые», по крайней мере, теоретически допускали в отношении Украины культурную автономию, то вполне вероятно, что такая автономия распространилась бы и на Буковину. Об этом косвенно свидетельствует и тот факт, что в

качестве одного из главных условий раздела Буковины «белые» называли предоставление национально-культурных прав тем русинам (по их терминологии - русским), которые окажутся в Румынии, и тем румынам, которые окажутся в России²⁰. Было бы странным и опасным, если бы в Румынии русины признавались национальным меньшинством с определенными правами, а в России — нет.

В определенной степени такое предположение можно подкрепить и позицией Центрального карпаторусского совета*, действовавшего с октября 1918 г. сначала в Челябинске, потом в Омске. Согласно декларации совета от 5 октября 1918 г., съезд высказался за единство России и Малороссии, включая Угорскую и Буковинскую Русь²¹. Право определения статуса этих территорий съезд, вполне в духе Белого движения, делегировал грядущему Всероссийскому учредительному собранию, но настаивал на уважении к культурно-национальным особенностям украинцев и русинов «в будущей свободной России»²². В резолюции Второго съезда карпаторусов, прошедшего в апреле 1919 г. в Омске, содержится ясное требование не только культурной автономии, но и прав самоуправления для края²³.

Стоит сказать несколько слов о таком понятии, как «украинец». В терминологии Карпаторусского совета оно имело, кроме общепринятого сегодня, и иной смысл, отражавший не столько этноним, сколько политическую ориентацию. Так, Д.А. Марков, карпаторусский делегат Парижской мирной конференции, в своем выступлении заявил, что Прикарпатская Русь желает воссоединения с Россией, а не с Украиной, подчеркнув искусственное происхождение русофобских настроений в регионе, взращенных австрийской пропагандой²⁴. Более корректным понятием для обозначения украинского народа карпаторусы считали этноним «малоросс». Разница между сугубо этнографическим понятием «малоросс» и политическим понятием «украинец» хорошо показана в докладной записке Карпаторусского совета от 5 ноября 1918 г. В ней говорится о том, что малороссов в Прикарпатской Руси всего около 5 млн, но часть себя относит к русским, а часть - к украинцам²⁵. «Украинская» ориентация части малороссов объяснялась в записке двумя причинами — все той же австро-германской пропагандой и политикой Петербурга по отношению к украинскому языку²⁶.

* Совет образован на Учредительном съезде в октябре 1918 г. в Челябинске, где существовала карпаторусская община. Председатель совета — А.В. Копыстьянский.

Таким образом, Белое движение и сочувствовавшая ему часть карпаторусской интеллигенции высказывались за присоединение к России части Буковины с преимущественно славянским населением. Возможно, в составе России область ожидала автономия. Однако русская дипломатия, поддержавшая «белых», в 1918-1919 гг. потерпела крах. Ей не удалось добиться участия в Парижской мирной конференции. Версальский мир был подписан без России. Поэтому неудивительно, что Антанта, закрыв глаза на куда более важные требования антибольшевистских сил, не решила буковинский вопрос в ее пользу. После военного поражения «белых» фронтов этот вопрос временно отпал сам собой.

Буковина как объект румынских и украинских притязаний

Позиция румын по отношению к Буковине в целом характеризуется двумя чертами. Во-первых, ее отличает стремление обосновать принадлежность области к Румынии исключительно на данных истории, отталкиваясь от утверждения, что Буковина всегда являлась частью исторической Молдавии²⁷. Во-вторых, румыны претендовали на присоединение всей территории Буковины. Это видно на примере резолюции Всеобщего съезда Буковины (28 ноября 1918 г.), объявившего о ее присоединении к Румынскому королевству. Текст резолюции содержит историческую информацию, представляющую Буковину как сугубо румынскую территорию. В ней сказано, что Буковина до своего присоединения к Австрии в 1774 г. всегда была неотъемлемой частью Молдавского княжества²⁸. История же Буковины под австрийским владычеством представлена как история трагедии части румынского народа, история подавления его национальных и религиозных прав (вплоть до самых элементарных), история борьбы румын Буковины против поработителей²⁹. В этой же связи румынские исследователи подчеркивают, что русины (украинцы) были меньшинством еще в XVIII в., а сложившаяся к началу XX в. в Буковине этническая картина являлась результатом непоследовательной политики Габсбургов³⁰.

Характерно, что заключение резолюции, наряду с постановлением о воссоединении всей Буковины с Румынией, имеет также и пожелание по поводу «возвращения» Бессарабии³¹. О наличии на территории Буковины нерумынского населения в резолюции, сочиненной в модном для того времени духе защиты «прав угнетенных наций», нет ни слова.

Претворение в жизнь такой концепции могло иметь два следствия. Первое было открыто высказано в самой резолюции — присоединение к румынскому государству всей Буковины. Второе следствие можно определить как игнорирование русинского населения области как этнической группы. Такая политика осуществлялась в румынской Буковине в 1920-1940 гг. Восточнославянское население региона официально обозначалось как «румыны, забывшие родной язык». На практике это вылилось не только в закрытие украинских школ, но и в запрет использовать украинский язык в быту³². Проявления украинского самосознания квалифицировались как «украинский империализм»³³.

В феврале 1919 г. возглавивший Директорию УНР Симон Петлюра открыто выразил претензии украинцев к Румынии и даже призвал жителей Бессарабии сопротивляться румынским властям или бежать на территорию Украины³⁴. В марте 1919 г. представителями УНР был озвучен новый протест в отношении присоединения Буковины к Румынии из-за наличия в ней значительной массы русинского населения, которое должно было влиться в независимую Украину³⁵. С другой стороны, в отличие от румын, украинцы признавали как наличие двух главных наций (русинов и румын) на территории Буковины, так и существование районов с преобладанием румынского населения³⁶. Украинские идеологи доказывали своим потенциальным союзникам по Антанте, что украинцы никогда не были ориентированы на Германию³⁷, что Буковину еще в стародавние времена населяли славянские племена тиверцев и к Румынии она не имеет никакого отношения, что староукраинский язык даже использовался в румынском богослужении³⁸, а молдавская церковь управлялась украинским митрополитом³⁹. Кроме того, они подчеркивали, что Румыния по договору от 17 августа 1916 г. со странами Антанты якобы признавала «украинский характер» Буковины, и протестовали против ареста буковинских интеллигентов-русинов⁴⁰. При этом за пропагандистской шумихой стоял конкретный политический интерес — украинцам необходимо было убедить Антанту в том, что только независимая единая Украина может уберечь Европу от большевизма, а также превратиться в плацдарм для наступления на него. Однако чаяния украинских националистов были перечеркнуты событиями в самой Европе, когда 21 марта 1919 г. возникла советская республика в Венгрии, продемонстрировав недейственность УНР в качестве «защитного барьера», о котором украинская дипломатическая миссия в Великобритании несколько месяцев спустя писала в Палату общин⁴¹.

В то же время британское министерство иностранных дел удивляла столь активная деятельность УНР, которая фактически не была признана Антантой из-за заключения сепаратного мира с Германией. В министерском справочнике по Украине высказывается версия, что украинцы были уверены в обратном по причине прибытия в декабре 1917 г. в Киев миссии союзников⁴². Просчетом украинских представителей было и своего рода калькирование их предыдущих наработок, сделанных под покровительством Германии и Австрии, с похожих материалов, направлявшихся уже странам Антанты. Характерным примером является меморандум посла УНР в США Юлиана Бачинского, акцент в котором делается не на политические аспекты, а на расово-этнические и экономические категории⁴³, подходившие для Германии, но не для США. В том же меморандуме проявился и политический идеализм деятелей украинского движения, подчеркивавших тот факт, что, хотя Румыния, как и УНР, заключила сепаратный мир с Центральными державами, но продолжала поддерживаться Антантой⁴⁴.

Не стоит также забывать, что в это время войска Директории УНР сражались одновременно с Красной армией, «белыми» войсками и отрядами махновцев и едва ли могли повлиять на положение в Европе. Кроме того, представители Антанты понимали, что большевики рано или поздно захватят Украину, следуя заявлению Льва Троцкого о том, что Россия не сможет существовать «без украинского угля, железа, руды, хлеба, соли, Черного моря»⁴⁵. В этой связи ориентация на Румынию и Польшу как на наиболее надежных партнеров была для Антанты самым простым вариантом⁴⁶.

Мы рассмотрели три подхода к будущему Буковины. Позиция «белых» правительств по Буковине была основана на представлении о ней как о регионе, сложном с точки зрения разграничения. Эта сложность определялась как историческим прошлым Буковины, так и характером ее населения и даже, пусть и в меньшей степени, топографическими условиями. «Белые» признавали культурно-исторические права Румынии на эту территорию, однако указывали на то, что она примерно поровну населена двумя народами — русинами и румынами. Таким образом, «белые» видели решение проблемы, во-первых, в разделении области по этнографическому признаку между Россией и Румынией, а во-вторых - в предоставлении культурных прав тем русинам и румынам, которые все же окажутся в этнически чужом государстве.

Слабость позиции «белых» состояла в нечетком определении славянского населения Буковины, которое разные документы относили то к русским, то к украинцам, то к русинам. Это было большим минусом в глазах союзников, естественно, плохо знакомых с этнографическими нюансами восточного славянства. Не добавляло это определенности в отношениях «белых» и с самими украинцами.

Другой просчет «белых» был связан скорее с их общей позицией по международному вопросу. С.Д. Сазонов*, привыкший считать себя представителем Великой России, забывал, что политическая значимость белогвардейских государственных образований была ничтожна, и никто на международной арене не считал «белую» Россию великой державой авансом, памятуя о якобы скором ее возрождении. В этой связи державы Антанты в лучшем случае хотели решить массу проблем, связанных с Россией, как можно быстрее, а в худшем — откровенно воспользоваться ее слабостью. Так, Уинстон Черчилль в своем труде «Мировой кризис» откровенно писал, что гражданская война в России давала союзникам «благоприятные возможности»⁴⁷. «Белые» не имели никаких реальных шансов повлиять на ситуацию в Буковине и установить там какую-либо власть. Поэтому Антанта считала непрактичным ориентироваться на них.

Румынская концепция основывалась на исторических данных. Согласно ей, Буковина должна была принадлежать Румынии, так как она исторически, по меньшей мере до 1774 г., была частью румынских государственных образований. Вопрос об этнографии области румынами не поднимался, так как население там считалось этнически однородным. Экономические, географические, стратегические данные и доводы также отсутствовали.

Украинцы, не имевшие в прошлом своего государства, во всяком случае, такого, которое было бы известно на Западе (по словам К. Лосского-Вышевича, Антанта вообще была несведуща в делах Восточной Европы⁴⁸), не могли утверждать, что Буковина — часть украинской государственной территории, поэтому они, как и русские, опирались на этнический признак. При этом они, как и румыны, рассматривали Буковину как однородную с точки зрения населения область, хотя еще во времена Австро-Венгрии депутат от Буковины предлагал решить ее будущее путем плебисцита⁴⁹. Таким образом, можно заключить, что, в то время как

* Сазонов Сергей Дмитриевич - русский министр иностранных дел (1910-1916), с января 1919 г. — министр иностранных дел Российского правительства.

«белые» пытались рассмотреть проблему с разных точек зрения и выбрать компромиссный вариант, румыны и украинцы явно однобоко трактовали будущее этого региона.

Что же касается качества приведенных сведений, в декларациях украинцев и румын налицо грубая подтасовка фактов, «не замечавших» 30 или 40 % населения, говорившего на языке другой лингвистической группы. Данные «белых» вполне научны, а выводы рациональны. Поэтому в данном случае Белое движение, которое в советской, а зачастую и в западной науке и публицистике определялось как реакционно-шовинистическое, здесь, во всяком случае, на уровне проекта, выглядит гораздо выгоднее, чем «самоопределяющиеся» нации. Беда «белых» была не в «нечестной игре» или национализме, а в неспособности подкрепить свои планы реальной силой.

«Белые», румыны и украинцы в своем желании убедить союзников апеллировали к материалам исторического, этнографического, экономического и стратегического характера. Естественен вопрос: а какова была позиция самих адресатов? Судьба Буковины решалась особой союзнической комиссией по делам Румынии и Югославии в числе других вопросов, связанных с определением границ Румынии. Задача была сложная: румыны в это время вели территориальные споры в Бессарабии, с Болгарией, Венгрией и Югославией. В Венгрии стояли румынские войска, которые после падения советской республики Антанте уже были не нужны; Бухарест же не спешил с их выводом, что не добавляло союзникам уверенности и в общей лояльности румын⁵⁰. В этих условиях, обладая решающим словом в вопросе о границах, Антанта осуществляла давление на Румынию, заставляя ее подчиниться своей воле. При такой политике идеи национального самоопределения, сформулированные В. Вильсоном, отошли на задний план, и начался настоящий торг. Так, в случае с Бессарабией Клемансо прямо заявил одному из румынских делегатов, что признание аннексии де-юре произойдет тогда, когда румыны наконец выведут войска из Венгрии⁵¹. Иных препятствий союзники якобы не видели.

Ситуация с Буковиной была иной. Упомянутая комиссия указывала на то, что в области численно преобладает нерумынское население, из чего британский министр иностранных дел Бальфур сделал вывод, что передавать Буковину Румынии смысла нет⁵². Однако на самой мирной конференции итальянский делегат Титтони напомнил о том, что часть Буковины обещана Румынии в момент ее вступления в войну в 1916 г., а также о

том, что она уже занята румынскими войсками. Был еще один момент: Парижская мирная конференция, вероятно, не видела в данном случае альтернативы Румынии: особо отмечалось, что Польша на эту область не претендует⁵⁵. О России или Украине речь даже не шла. Интересно, что конференция подчеркивала желание сохранить исторические границы Буковины, будто это был более важный фактор, чем, к примеру, границы этнические. Поэтому 1 августа 1919 г. конференция постановила передать Румынии всю Буковину, за исключением небольшой части на севере, которая отходила к Польше.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Hofbauer H.* Bukowina. Bessarabien. Moldawien: vergessenes Land zwischen Westeuropa, Russland und der Türkei. Wien, 1993. S. 25–26.
2. *Гнатюк В.* Національне відродження австро-угорських українців (1772–1880 pp.). Відень, 1916. С. 46.
3. *Hofbauer H.* Op. cit. S. 32.
4. *Kaindl R.* Unser Heimatland Bukowina. Wien, 1916. S. 12–13.
5. *Ibid.* S. 46.
6. *Die Ukraine unter Fremdherrschaft.* Berlin, 1928. S. 43–44.
7. *The Ukrainian problems.* 1919, № 5. P. 5.
8. *Stănescu M.C.* Armata română și unirea Basarabiei și Bucovinei cu România 1917–1919. Constanța, 1999. P. 190–194.
9. *Economu R.* Unirea Bucovinei 1918. București, 1994. P. 157–158.
10. Румыния против Украины: состояние и перспективы политического и экономического соперничества. Тезисы доклада Киевского института проблем управления им. Горшенина. URL: <http://ava.md/01-politika/01354-ruminiya-protiv-ukraini.html> (дата обращения: 11.05.2012).
11. Государственный архив Российской Федерации (далее - ГАРФ). Ф. Р-200. Оп.1. Д. 362. Л. 10.
12. ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 601. Л. 3.
13. Там же. Ф. Р-5834. Оп. 1. Д. 1. Л. 96.
14. Там же. Л. 96.
15. Там же.
16. Там же. Автор доклада ориентировался на данные, приведенные в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона. Т. VIII. См. также: *Korduba M.* Bukovina. Praha, 1919. S. 9–10.
17. Там же. Л. 97.
18. Там же.
19. ГАРФ. Ф. Р-5834. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
20. Там же. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 601. Л. 3.

21. ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 357. Л. 2.
22. Там же.
23. Второй Карпаторусский съезд // Карпаторусское слово. 1919, № 9.
24. Прикарпатская Русь на Парижской мирной конференции // Карпаторусское слово. 1919. №6.
25. ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 357. Л. 3.
26. Там же.
27. *Grigorovița M.* Din istoria colonizării Bucovinei. București, 1996. P. 21.
28. The Ukrainian problems. 1919, № 5. P. 17.
29. Ibid.
30. *Grigorovița M.* Op. cit. P. 31.
31. The Ukrainian problems. 1919. № 5. P. 18.
32. *Компаниец И.И.* Буковина в начале XX ст. (1900-1918). Киев, 1949. С. 10.
33. Российский государственный архив военной истории. Ф. 492k, Оп.1. Д. 12. Л. 135–136.
34. L'Ukraine commentée par la presse roumaine. Bucarest, 1919. P. 13–14.
35. *Economu R.* Op. cit. P. 96.
36. La Bukovine. Paris, 1919. P. 6.
37. A Collection of notes and memoirs etc. London, [1919]. P. 15.
38. The Bukowina // The Ukrainian problems. 1919, № 3. P. 1–3.
39. *Korduba M.* Op. cit. S. 8.
40. Notes présentées par la Délégation de la République Ukrainienne à la Conférence de la paix à Paris. Paris, 1919. P. 15, 22.
41. A Collection of notes and memoirs etc. P. 32.
42. The Ukraine. Handbook prepared under the Direction of the Historical Section of the Foreign Office. London, 1920. P. 37.
43. Memorandum to the Government of the United States on the recognition of the Ukrainian People's Republic. Washington, 1920. P. 3,5.
44. Ibid. P. 17.
45. Праці Українського наукового інституту. Варшава, 1932. С. 149–151.
46. The Ukraine. P. 57.
47. Черчилль У. Мировой кризис. М., 2007. С. 59.
48. *Вышевич К.*, Украинский вопрос, Россия и Антанта. Гельсингфорс, 1918. С. 38.
49. La Bukovine. P. 6.
50. Documents on British foreign policy. V. 1. S.1. London, 1947. P. 277.
51. Documents...V. 2. P. 936.
52. Documents...V. 1. P. 277.
53. Ibid.

Буле ВИНСЕНТ

ОБРАЗ РУМЫНСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ И НАСТРОЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ БЕССАРАБИИ, ОТРАЖЕННЫЕ ВО ФРАНЦУЗСКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ И РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ ОТЧЕТАХ 1918-1920 гг.

Мнение французской дипломатии по вопросу присоединения Бессарабии к Румынии хорошо изучено по переписке министерства иностранных дел Франции с французским дипломатическим представительством в Румынии и военной миссией Франции под руководством Бертело¹. Эта позиция объяснялась тем, что Франция рассматривала Бессарабию лишь как пешку в глобальной геополитической игре, целью которой было отгородиться от советской России. Военные успехи и неудачи белогвардейского движения влияли на хронологию изменений и на ясность линии Франции, зависящей от конкретных обстоятельств. В период между Брестским миром в марте 1918 г. и разгромом Белой армии в декабре 1919 г. Франция и союзные государства давали свое принципиальное согласие на присоединение Бессарабии к Румынии, но не торопились с конкретными действиями, оставляя за собой возможность договориться с русским контрреволюционным правительством в случае победы белогвардейцев. С января по октябрь 1920 г. Франция была единственной и последней страной, отказывавшейся подписать бессарабское соглашение, чтобы заручиться поддержкой правительства Врангеля в Крыму. Договор был, в конце концов, заключен 28 октября 1920 г., спустя несколько дней после подписания мира между Польшей и РСФСР, в то время как судьба Врангеля в Крыму была уже решена. Однако Франция колебалась до 1924 г., прежде чем окончательно ратифицировала бессарабское соглашение².

Все это время гражданские и военные французские агенты официально или неофициально находились в Бессарабии. В своих отчетах они описывали поведение румынской армии и администрации по отношению к населению, а также мнение местных жителей

Доклад был зачитан на международной научной конференции «Присоединение Бессарабии к России в свете многовекового молдо-российско-украинского сотрудничества» (Кишинев, 1-5 апреля 2012 г.).

о румынах. Приведенные ниже цитаты лишь отражают точку зрения тогдашних французских дипломатов.

«Грубость» румынской оккупации

Первый французский консульский агент, направленный французским представительством в Румынию, генерал Шарль Вуйемэн (Charles Vouillemain) прибыл в Кишинев в декабре 1917 г., как раз перед румынской оккупацией. Его сопровождали другие члены французской военной миссии в Румынии, «чтобы подготовить почву»³, т. е. чтобы облегчить румынское вторжение. В этой связи в августе 1918 г. он пишет: «Общественное мнение в Кишиневе слабо поддерживало румын. Когда последние вошли в Бессарабию, их поведение напоминало поведение немецких завоевателей и сопровождалось совершением всякого рода насилия; в самом Кишиневе было арестовано некоторое количество человек, потом было сказано, что их отведут на другой берег Днестра, но в процессе пересечения реки эти люди исчезли». Вуйемэн упоминает о беседе с Ионом Инкульцом, бывшим президентом Молдавской демократической республики, приводя следующие слова: «После того, как мы были частью империи с населением в 160 миллионов человек, нельзя гордиться тем, что мы стали гражданами Румынии. Если Россия восстановится – мы бы хотели вернуться к ней»⁴.

В 1918 г. первый доклад французской миссии, посланный из Бессарабии с момента румынского вторжения, подчеркивал, что «румынская армия ведет себя грубо и вызывает всеобщее недовольство». Он характеризует румынское присутствие как «оккупацию». Этот термин использовался во внутренней ноте министерства иностранных дел в феврале 1919 г. В ней отмечалось, что «румынские войска ведут себя в Бессарабии очень жестко»⁵.

«Олигархическая» и антисемитская администрация

Румынская администрация встретила сопротивление как со стороны крестьян – по социальным причинам, так и со стороны евреев – из-за частых проявлений антисемитизма новыми местными властями. Сент-Олэр (Auguste-Félix Charles de Saint-Aulaire), французский представитель в Бухаресте с 1916 по 1920 г., в апреле 1918 г. писал, что «румынское правительство [...] испытывает трудности по причине недовольства крестьян, которые боятся, что крупные собственники будут восстановлены в правах, и евреев, [...] отвечающих румынам той же ненавистью, которую те питают к ним». Он акцен-

тирует внимание на жестокости судебных процедур по отъему имущества: «...Недовольство жителей Бессарабии еще больше усилено румынским правительством, вместо того, чтобы соблюдать условия Бухарестского договора, оно ударились в проведение крайне жестких мер в Бессарабии. Эта политика, проводимая при участии вооруженных частей армии, настраивает бессарабских крестьян против румынских солдат». В заключение сказано: «население Бессарабии [...] недовольно олигархическими и бюрократическими традициями [Румынии]». «Чтобы справиться с подобными трудностями и худо-бедно обеспечить будущее, служащие, на которых возлагается задача представлять Румынию в Бессарабии, должны обладать совокупностью качеств, редких повсеместно и практически не существующих в балканских странах. Традиционные исторические партии бойкотируют кабинет Маргиломана, но для серьезных действий в их распоряжении есть лишь администрация, состоящая из клиентелы авантюристов и нищих, которые, получив полную безнаказанность действий в Бессарабии, поделили ее на сферы влияния, заставив всех пожалеть о том времени, когда эта земля управлялась русской администрацией. Однако Сент-Олэр не считает эти обстоятельства серьезными и видит их причину во «временных условиях», сложившихся, по его мнению, в результате деятельности Германии. Этот аргумент он использует, высказываясь в пользу необходимости присоединения Бессарабии к Румынии, что позволит укрепить государства Центральной Европы между Германией и Россией, «чтобы сдерживать и ту, и другую».

Что касается антисемитизма румынской администрации, то агент французского консульства в Кишиневе отметил изменения в ходе подготовки выборов законодательной власти в 1919 г. В политическом отчете от 26 августа 1919 г. он написал о «новой позиции румынских властей по отношению к евреям. Им делаются уступки. Многие евреи должны войти в ближайшем времени в списки кандидатов в правительство». Однако «кажется, что результаты этой кампании не стали такими радужными, какими их ожидали увидеть»⁶. Более того, в отчете от 2 ноября 1919 г. генерала Петена, военного атташе в Румынии, говорится, что «[евреи] продолжают [...] жаловаться на румынскую администрацию; основная их претензия касается обстоятельств конфискации имущества, фактов придиорок со стороны властей и грубого обращения полицейских»⁷.

Коррупция в администрации

Французы также писали о жестокости и коррумпированности румынской администрации. Отчеты военной разведки подтверждают

это мнение французских дипломатов. Капитан Дэваленс (Devalence), находившийся по службе в Румынии в мае 1919 г., в отчете в отдел разведки армии написал: «Румыны всячески настраивают против себя население: слишком суровая полиция бьет палками людей по поводу и без повода, постоянные расследования, взяточничество, поборы, кражи, скрытые под видом реквизиций». Документ особо отмечает коррупцию среди румынских госслужащих. Так, министры гетмана Скоропадского должны были заплатить 19 000 рублей, чтобы получить право пересечь границу. Более того, «по всей границе пограничники пропускали большевистских агентов за сумму от 500 до 1200 леев»⁸. Генерал Бориус, командующий французскими войсками, высадившимися 17 декабря 1918 г. в Одессе, по информации из того же рапорта, заявил: «Кажется, что румыны были бы счастливы получить предлог уехать из Румынии».

Записка генерала Петена, военного атташе в Румынии, «о румынской политике по отношению к меньшинствам» от 15 сентября 1919 г. также содержит информацию о подобных фактах коррумпированности: «Состояние румынского управленческого аппарата в Бессарабии можно назвать как «обладающий абсолютной властью»⁹. Экономическая жизнь остановлена по причине различного рода вмешательств в свободную торговлю. Угроза реквизиций довлеет над торговыми отношениями, поскольку, как говорится среди людей, реквизиции означают на самом деле конфискацию. Все «средства» общения, торговых отношений куплены за деньги, и часто, когда имеешь дело со служащим на невысоком посту, который продает свое благосклонное отношение за одну цену, вынужден потом «обращаться» к вышестоящим лицам, помощь которых оказывается гораздо более дорогостоящей. Оккупация проводилась для того, чтобы румынизировать страну так, как это понимали оккупанты. Но по их действиям можно подумать, что Бессарабия является завоеванной вражеской территорией»¹⁰.

Выборы законодательной власти в декабре 1919 г.

В этих условиях французские представители очень сурово судили о результатах законодательных выборов декабря 1919 г., которые правительство пыталось представить как плебисцит в пользу присоединения к Румынии. В отчете от 15 декабря генерал Петен сказал, что на самом деле речь шла «только о том, чтобы голосовать за кандидатов, каждый из которых принадлежал румынским партиям». К тому же он добавил, что «избиратели не имели права воздерживаться от участия в выборах, так как в Бессарабии, как и в Румынии, голосование носит обязательный характер. Отказ от него

облагается высоким штрафом [...]. Таким образом, у власти были в руках все средства борьбы с сомневающимися». В заключение он добавил, что выборы характеризуются «безразличием избирателей, голосовавших из-под палки».

Дело иностранных профессоров (1920)

С начала 1920 г. французские службы отмечают улучшение отношений между румынской администрацией и населением Бессарабии. В рапорте разведки от 1920 г. говорится, что «служащие в целом ведут себя менее придирчиво» и настроения русскоязычного населения демонстрируют «начало примирения с имеющимся положением вещей». Но в этом же отчете отмечено, что «болгары и гагаузы [...] по-прежнему столь же непримиримо враждебны присоединению, как и прежде. В частности, в районе Болграда число инцидентов растет. Призыв в армию 1920 г. добавил новые поводы для недовольства Румынией»¹¹.

К тому же в то время франко-румынские отношения испортились из-за дела иностранных профессоров в Бессарабии. Во время румынского вторжения им было запрещено преподавать в Бессарабии. В первую очередь это было направлено против русских преподавателей. Но и французский преподавательский состав, работавший в основном в русских школах, стал жертвой этих мер. Агент французского консульства в Кишиневе Сэгино добился того, чтобы французы получили в 1919 г. годовое разрешение на продолжение преподавательской деятельности. Но в конце учебного года, летом 1920-го, румыны отказались продлить разрешение¹². Эта история негативно отразилась на франко-румынских отношениях на много лет вперед, до того момента, когда Бухарест снял запрет.

Население Бессарабии и договор 1920 г.

По данным отчетов разведки, «большая часть населения Бессарабии убеждена, что договор будет пересмотрен [...]. В ожидании этого они не возлагают особых надежд на румынское правительство (Авереску – исключение), что те будут уважать пункты договора, подразумевающие защиту прав меньшинств. Они боятся новых репрессий, если Братиану придет к власти, как этого опасались прошлой весной».

В заключение следует отметить, что французские военные и дипломатические представители в Бессарабии в целом судили довольно строго румынскую администрацию и поведение румынской

армии в этом регионе. Они описывают присущую румынам грубость, продажность, антисемитизм. Тем не менее, это не мешало Министерству иностранных дел преследовать основную цель: препятствовать возвращению этой территории в состав Советской России. Но невысокое мнение Франции о румынской администрации в Бессарабии в 1918 и 1919 гг. укрепило убежденность Парижа в правильности своей позиции: аннексия Бессарабии Румынией – крайняя мера, которую можно принять только ввиду угрозы поражения Белой армии и польских войск в войне с Россией.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Troian Sandu*. La France et la Bessarabie roumaine de 1918 à 1920: une reconnaissance difficile, dans L'établissement des frontières en Europe après les deux guerres mondiales: une étude comparée; sous la direction de Christian Baechler et de Carole Fink. Berne: Peter Lang, 1995. P. 369-387; Id. La Roumanie et l'impossible articulation d'un système de sécurité français en Europe centre-orientale, septembre 1920-décembre 1921 // La France à la recherche de sécurité, 1920-1922. Guerres mondiales et conflits contemporains, coordonné par Jacques Bariéty, 2000.

2. *Troian Sandu*. Les avatars de la ratification de la Convention bessarabe par la France, 1921-1924, dans Frontières politiques et culturelles, XVIIIe-XXe siècles: actes du colloque franco-roumain tenu à Iasi en septembre 1995, publiés dans Revue roumaine d'histoire. T. XXXV. Janvier-juin 1996. P. 59-68.

3. Архив министерства иностранных дел Франции. Z Russie 652. Л. 38. 23 февраля 1919 г.

4. Архив министерства иностранных дел Франции. Z Russie 652. Л. 16. 18 августа 1918 г.

5. Там же. 20 июня 1918 г.

6. Архив министерства иностранных дел Франции. Z Russie 652. Л. 132. 15 сентября 1919 г.

7. Архив министерства иностранных дел Франции. Z Russie 653. Л. 14.

8. Архив министерства иностранных дел Франции. Z Russie 652. Л. 74. Май 1919 г.

9. Michel Roucaud. Le dossier du général Victor Pétin // Revue historique des armées. № 244. 2006. С. 108-111.

10. Архив министерства иностранных дел Франции. Z Russie 652. Л. 131-134.

11. Архив министерства иностранных дел Франции. Z Russie 653. Л. 67.

12. Архив министерства иностранных дел Франции. Z Russie 653. Л. 80-81.

Владимир МАКАРЧУК, Назарий РУДЫЙ

ВОСТОЧНЫЕ ГРАНИЦЫ МЕЖВОЕННОЙ РУМЫНИИ (1918 – 1940 гг.): АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Территориальные противоречия между Украиной и Румынией были окончательно сняты с подписанием базового двустороннего договора «Об отношениях добрососедства и сотрудничества между Украиной и Румынией» (1997 г.), а также после принятия в феврале 2009 г. Международным судом ООН в Гааге решения о разграничении территориального шельфа между двумя государствами.

Тем не менее, определенные трения остаются: часть румынской общественности считает, что в отношении их народа и государства в 1940–1948 гг. осуществлялся советский диктат, а территория Румынии подверглась необоснованному уменьшению. Не касаясь вопроса территориального урегулирования между СССР и Румынией, осуществленного в 40-х гг. прошлого века, рассмотрим юридическую обоснованность восточных границ Румынского королевства состоянием на 1918 – 1940 гг.

Одним из итогов Первой мировой войны стало увеличение территории Румынии более чем в два раза – с 131, 3 до 295 тыс. кв. км, а населения почти втрое – с 6,7 до 18 млн чел.¹ Характерно, что особой доблестью румынская армия на полях сражений не блистала. Вступив в Первую мировую войну 14 (27 августа) 1916 г., Румыния была жестоко бита врагом. Уже в начале 1917 г. немецкие и австро-венгерские войска оккупировали 99 845 кв. км (72,4 %) довоенной румынской территории. Румынский фронт держался лишь благодаря российской поддержке. На сентябрь 1917 г. в его составе насчитывалось 1 976 260 комбатантов и некомбатантов российской армии и лишь 458 тыс. собственно румынских военнослужащих².

Еще 9 ноября 1918 г., то есть за три дня до формального окончания Первой мировой войны, Румыния по собственной инициативе объявила о разрыве Бухарестского договора 1916 г. со странами

Доклад был зачитан на международной научной конференции «Присоединение Бессарабии к России в свете многовекового молдо-российско-украинского сотрудничества» (Кишинев, 1-5 апреля 2012 г.).

Антанты, поскольку этот договор ограничивал ее права на буковинские земли лишь по р. Прут³.

Как известно, положения договора от 4 (17) августа 1916 г. предусматривали после окончательной победы стран Антанты присоединение к Румынии южной части Буковины по р. Прут (северная, заселенная преимущественно украинцам, должна была отойти к России), всей Трансильвании по р. Тиса, всего Баната по р. Дунай и сохранение в собственном составе бывшей болгарской Южной Добруджи⁴. Но, отказавшись в одностороннем порядке от Бухарестского договора 1916 г. в той его части, что касалась Северной Буковины, к тому времени оккупированной румынскими войсками, румынская сторона потеряла возможность требовать выполнения обещаний, данных ей Антантой, на послевоенной Версальской конференции. На что ей, кстати, и было указано английской делегацией.

Тем не менее, казавшиеся прежде невероятными приращения территории и населения Румынии стали реальностью уже в 1919–1920 гг. Щедрое вознаграждение состоялось даже без фарсовых плебисцитов (как, например, в Верхней Силезии, которую возрожденная Польша, по сути, отобрала у побежденной Германии, изгнав со спорных территорий более 200 тыс. немецкого населения, а затем грубо извратив итоги народного волеизъявления 20 марта 1921 г.). Вероятно, определенное значение в таком развитии событий имела роль регионального жандарма, взятая на себя Бухарестом при подавлении Венгерской Советской Республики (март – август 1919 г.), украинского освободительного движения в Северной Буковине и просоветских настроений в Бессарабии.

В конце 1917 г. в Петрограде произошел Октябрьский переворот (*революция – это более широкое понятие. – Авт.*), и новое советское правительство начало мирные переговоры с Четверным Союзом о немедленном заключении «справедливого мира без аннексий и контрибуций». По сути, такая односторонняя инициатива революционного Петрограда стала предательством западных союзников по Антанте, вступивших в Первую мировую войну в августе 1914 г. на стороне Сербии и России. В международном праве, по крайней мере для того исторического времени, смена правительства не могла служить достаточным основанием для отказа от внешних обязательств государства. Ссылка на оговорку *rebus sic stantibus* также выглядит малоубедительной.

Лондон и Париж стали лихорадочно искать возможность сохранения если не прежнего Восточного фронта, то хотя бы его подобия.

7 (20) января 1918 г. румынское военное командование с согласия представителей Антанты отдало приказ своим войскам перейти

р. Прут и вступить в Бессарабию. При этом делалась попытка объяснить румынскую военную акцию как гуманитарную операцию в помощь местному населению и российской армии.

Но Кремль вполне резонно и обоснованно расценил этот шаг как агрессию против России. 13 (26) января 1918 г. советское правительство постановило прервать дипломатические отношения с королевской Румынией. В его заявлении в частности указывалось: «Покрытая преступлениями румынская олигархия открыла военные действия против Российской республики»⁵. То есть *констатировалось недружественное действие со стороны соседнего государства, хотя война формально не объявлялась*.

18 (31) января 1918 г. в Кишиневе собрался III Бессарабский губернский съезд, который высказался за власть Советов и против отторжения области от революционной России. Председатель съезда В.М. Руднев был арестован и расстрелян на следующий день по распоряжению румынских оккупационных властей⁶. Вместе с Рудневым были казнены еще 45 депутатов⁷ – более чем показательный урок для противников объединения с Румынией.

Тем временем ленинскому правительству удалось осуществить военное давление на оккупированную румынами Бессарабию силами российской Дунайской флотилии и местных повстанцев. На основании русско-румынского соглашения от 5–9 марта 1918 г. Румыния обязывалась вывести свои войска из Бессарабии в течение двух месяцев, отказывалась от каких-либо административных функций и соглашалась не предпринимать «никаких военных, неприятельских или других действий против Советской республики»⁸.

Но ситуация вновь переменялась. После заключения Брестского мира Советская Россия потеряла реальную возможность оказывать поддержку просоветским (и пророссийским) силам в Бессарабии. Этим немедленно воспользовались власти Бухареста.

Решено было сделать ставку на якобы самоопределение населения Бессарабии. Поскольку с III губернским съездом у румынских властей отношения не сложились, решено было обратить внимание на Сфатул Цэрий (Совет страны). Этот исполнительный (а не законодательный) орган был сформирован после решения Всероссийского военно-молдавского съезда 21 октября 1917 г. Как предполагалось, он должен был состоять из 120 человек. Местным крестьянам выделили 30 мест, рабочим – ни одного. Вследствие разногласий между делегатами на самом съезде избрали всего несколько членов, дальнейшее формирование Сфатул Цэрий осуществляла комиссия, возглавляемая прапорщиком Теутой. В результате этой деятельности и был сформирован Сфатул Цэрий в составе 150 депутатов, 138 из которых были кооптированными, а не избранными⁹.

Готовя инсценировку «свободного волеизъявления народа», румынские оккупационные власти 27 марта 1918 г. расстреляли тех депутатов Сфатул Цэрий, которые выступали против присоединения Бессарабии к Румынии (все расстрелянные, за исключением украинца Чумаченко, были этническими молдаванами) и в тот же день провели открытое и поименное голосование в присутствии вооруженных румынских военных. Несмотря на протесты крестьянской фракции и некоторых других групп, удалось получить большинство, которое приняло Декларацию об объединении с Румынией.

Документ предполагал широкую автономию, уважение прав национальных меньшинств, конституционные гарантии прав и гражданских свобод и т. п.¹⁰

Ползучая аннексия Бессарабии происходила на фоне военных неудач Румынии в конфликте с Германией и Австро-Венгрией. 7 мая 1918 г. в Бухаресте был подписан мир с Центральными государствами, по которому Румыния теряла 6 тыс. кв. км довоенной территории, из которых около 600 кв. км предполагалось присоединить к австрийской Буковине. Но Четверной союз одновременно признал за побежденной Румынией «права» на большую часть оккупированной ею Бессарабии.

В современном международном праве предусмотрена возможность отторжения части территории государства-агрессора как санкции государства-победителя (самый известный пример такого рода – Потсдамские соглашения 1945 г. по Восточной Пруссии).

В т. н. *старом международном праве* приобретение территории побежденного врага было вполне легитимным способом увеличения государственной территории, безотносительно, шла ли речь об агрессоре или жертве агрессии. Но и в этом случае требовалось заключение послевоенного мирного договора, приращение оккупированной территории односторонним правовым актом государства-победителя (оккупанта) не допускалось. Принимая поддержку Четверного союза в деле отторжения части территории побежденной России (с ней Германия и ее союзники в начале марта 1918 г. заключили известный Брестский мир), Румыния тем самым призывала себя к Центральным державам, превращалась в их фактического военного союзника. Ее «права» на Бессарабию теперь юридически опирались на отказ Советской России от территорий, оккупированных австро-германскими союзниками вследствие заключения Брестского мира. Государства-победители России согласились уступить часть территории побежденного ими враждебного государства своему новому фактическому союзнику. Сохранись хрупкое статус-кво мая 1918 г. на будущее, победы Четверной союз

в мировой войне - и легитимизацию включения Бессарабии в состав Румынии можно было бы считать состоявшейся.

Но мировая война дала неожиданный поворот. Провал начатого в мае 1918 г. генерального германского наступления на Париж, усиление американской помощи Антанте, буржуазная революция в Германии 8–9 ноября 1918 г. разрушили и эту циничную сделку. В Бухаресте решили обратиться к праву наций на самоопределение, декларированное в известных «14 пунктах» президента США В. Вильсона

В конце ноября 1918 г. по инициативе т.н. Молдавского блока, без предварительной публикации в прессе и рассылки повесток, было созвано внеочередное заседание Сфатул Цэрий. В нем приняли участие 46 (или 48) депутатов из списочных 162, в основном члены блока. В ночь с 25 на 26 ноября формально неправомерный съезд (поскольку для правомерности решений минимальный кворум должен был составлять не меньше трети – 54 депутата от всего состава Сфатул Цэрий) принял решение о безусловном присоединении края к Румынии. В результате Бессарабия была лишена даже «провинциальной автономии». Сразу же после этого Сфатул Цэрий был распущен королевским декретом¹¹.

Против кулуарного решения остро протестовали те депутаты Сфатул Цэрий, которые не принимали участия в заседании. Однако их мнение уже никого не интересовало.

В Париже 28 октября 1920 г. между Великобританией, Францией, Италией, Японией и Румынией, без участия России и Украины и без проведения плебисцита, был подписан договор о передаче Бессарабии Румынии. Статья 9 этого договора провозглашала, что «высокие договаривающиеся стороны пригласят Россию присоединиться к указанному договору, как только будет существовать признанное ими российское правительство»¹². Это обещание так никогда и не было выполнено.

Следует также указать, что Парижский протокол от 28 октября 1920 г. не был ратифицирован Японией (как стороной договора), поэтому он остался без международной правовой силы. Не признали его также США и ряд европейских государств.

Даже в благосклонной к Румынии западной историко-правовой науке высказываются сомнения относительно легитимности поглощения Бессарабии. Например, американский авторитет в сфере международного публичного права А. Коббан указывал, что в Версале румынская делегация протестовала против самой возможности проведения плебисцита в Бессарабии, ссылаясь на то обстоятельство, что автохтонное «румынское» население и так составляет

абсолютное большинство¹³. Ученый считал, и, как нам представляется, вполне обоснованно, подобные отговорки (Франция, например, не желала плебисцита в Эльзас-Лотарингии) свидетельством определенной слабости позиции.

Россия и Украина 1 ноября 1920 г. высказали свое несогласие с этим решением. В ноте правительств РСФСР и УССР правительствам Великобритании, Франции, Италии и Румынии указывалось: «Узнав о том, что между великими союзными державами и Румынией подписан договор о присоединении к последней Бессарабии, правительства Советских Республик России и Украины объявляют, что они не могут признать имеющим какую-либо силу соглашение, касающееся Бессарабии, состоявшееся без их участия, и что они никоим образом не считают себя связанными договором, заключенным по этому предмету другими правительствами»¹⁴.

Не могло румынское правительство в своих притязаниях на Бессарабию опираться на сколько-нибудь длительный период т. н. молчаливого признания со стороны советского правопреемника (континуатора) России. Москва постоянно напоминала о своих территориальных правах нотами протеста¹⁵.

Не приносили успеха попытки навязать советской стороне признание правовой силы аннексии Бессарабии на Варшавской (1921 г.) и Венской (1924 г.) румынско-советских конференциях, с помощью пакта Бриана-Келлога (1929 г.), при возобновлении румынско-советских отношений 9 июня 1934 г. и т. п. Во всех этих случаях советская сторона заявляла, что ее позиция остается неизменной, а бессарабский вопрос – открытым¹⁶.

Москва и Киев также резко реагировали на каждую попытку Бухареста добиться международно-правового признания аннексии Бессарабии со стороны третьих государств. Так, после подписания французско-румынского «гарантийного» договора 10 июня 1926 г. (Франция, стараясь не допустить сближения Румынии с фашистской Италией, подписала с ней договор о предоставлении помощи, в котором признала ее существующие границы) советское правительство вначале потребовало разъяснений, а затем (2 октября 1926 г.) обратилось к Франции с нотой протеста. Оно заявило, что рассматривает франко-румынский договор, санкционирующий незаконный и насильственный захват Бессарабии Румынией, как недружественный акт французского правительства в отношении СССР.

«Этим договором, – объявляла советская нота, – Франция становится на сторону правительства Румынии, которое, вопреки самым элементарным принципам международного права и собственным же формальным декларациям, а равно декларациям союзных ди-

пломатических представителей, включая представителя Франции, в Яссах в 1917 г., вопреки повторным обязательствам в формальном договоре между генералом Авереску и советским правительством в 1918 г. и, наконец, вопреки желанию, многократно выраженному бессарабским народом, отказывается выполнить свои обязательства и эвакуировать территорию Советского Союза».

Далее советское правительство предупреждало в своей ноте, что французо-румынский договор 10 июня 1926 г. «уменьшает шансы мирного решения бессарабского вопроса на базе права народов на самоопределение и усиливает угрозу, направленную против мира в Восточной Европе»¹⁷. Подобный протест советское правительство высказало и в ноте 6 октября 1926 г., адресованной итальянскому премьер-министру Муссолини, в связи с подписанием итало-румынского договора от 16 сентября 1926 г.

Тем временем Бухарест проводил активную политику румынизации оккупированных территорий. По советским подсчетам, на протяжении межвоенного времени Румыния выселила из оккупированной Бессарабии более 300 тыс. чел. местного населения¹⁸. Понятно, что масштабные депортации коренного, но «нерумынского» населения имели бы существенное влияние на результат эвентуального плебисцита, если бы таковой был проведен по требованию СССР как правопреемника России.

В свою очередь Москва никоим образом не допускала смягчения своей первоначальной позиции в бессарабском вопросе. Даже установление двусторонних советско-румынских дипломатических отношений (1934 г.) не означало признания аннексии Бессарабии, что понимала и румынская сторона. На заседании румынского парламента министр иностранных дел Н. Титулеску был жестко раскритикован за то, что «подписал с Россией соглашение, в котором ничего не говорится о Бессарабии»¹⁹.

В межвоенный период в состав Румынии входила и Буковина. После поражения в Первой мировой войне и распада Австро-Венгерской империи Вена по требованию Союзнических государств отказалась от сюзеренитета над теми частями бывшей империи, чье население не было германоязычным. Сюзереном этих земель де-юре стали государства-победители, которые предполагали осуществить будущее территориальное урегулирование на основе провозглашенных ими же принципов уважения права наций на самоопределение. Именно с подачи Версальской конференции Северная Буковина была передана Румынии без проведения плебисцита и вопреки воле большинства местного населения.

Еще 3 ноября 1918 г. в Черновцах состоялось краевое народное собрание (Буковинское народное вече), которое провозгласило воссоединение Северной Буковины с Украиной. В многолюдном форуме (более 40 тыс. участников) приняли участие представители почти всех городов и сел, всех сословий и национальностей, общественных организаций края. После оккупации Буковины румынскими войсками 28 ноября 1918 г. румынские власти созвали Генеральный конгресс Буковины, куда формально пригласили представителей всех национальностей. Согласие дали представители поляков и немцев, члены украинской и еврейской общин ответили отказом. Австрийская перепись 1910 г. зафиксировала в Буковине численное преобладание украинского населения над румынским, следовательно, на конгрессе не было представлено большинство населения.

Основным решением стало провозглашение «воссоединения с Королевством Румыния Буковины, без кондиций (условий) и навсегда в своих прежних границах по рр. Черемош, Колячин и Днестр»²⁰. Несмотря на то, что легитимность этого конгресса более чем сомнительна, поскольку в его работе не принимали участия представители релятивного большинства населения (украинцы и евреи), официальный Бухарест поспешил принять 19 декабря 1918 г. декрет-закон № 3344 о присоединении Буковины к Румынии. В документе в частности указывалось: «Буковина в общих границах, которые ждали своей исторической судьбы, есть и остается неотъемлемой частью Румынского королевства»²¹. 29 декабря 1919 г. новоизбранный румынский парламент в первую очередь, еще до начала своей работы, принял закон о ратификации декрета-закона о присоединении Буковины к Румынии²². Король промульгировал его 31 декабря 1919 г.

По ходу событий выяснилось, что суверенами Буковины, согласно будущему договору с побежденной Австрией, выступают все государства-победители, которым и принадлежит право определить ее государственно-правовой статус. На Версальской конференции Румынию в ее претензиях на Буковину рьяно поддержала Франция, менее активно – Великобритания. Позиция же США была сформулирована в т. н. Черной и Красной книгах, представленных американской делегацией 21 января 1919 г. Вашингтон настаивал, что территориальное размежевание в Буковине должно осуществляться по этнографическому принципу, регион следует разделить на две части – украинскую и румынскую, оставляя город Черновицы под властью Румынии (граница должна была проходить в миле к северо-западу от города)²³.

Франция и в некоторой мере Великобритания в Версале были прежде всего озабочены угрозой германского реваншизма и уже в

это время начали сколачивать будущую Малую Антанту. Соединенные Штаты, во главе которых стоял В. Вильсон со своей «сверхценной» идеей права наций на самоопределение, меньше были связаны этим фактором. В итоге верх взяли прагматические соображения европейских Великих держав, и Румыния заполучила то, что ей по праву наций на самоопределение принадлежать не могло. Мы уже высказывали мысль, что в Версале Бухарест был вознагражден за взятую им на себя функцию регионального жандарма.

Край формально был передан Румынии Союзническими государствами Сен-Жерменским договором, подписанным с побежденной Австрией 10 сентября 1919 г. А 4 июня 1920 г. был подписан Трианонский мирный договор, который определял границы Венгрии и, соответственно, западные границы Румынии.

Кроме украинских и молдавских территорий Бессарабии и Северной Буковины (Сен-Жерменский договор), к Румынии отошли Добруджа (договор в г. Нейи с побежденной Болгарией 27 ноября 1919 г.), Трансильвания и Банат (Трианонский мир с Венгрией 4 июня 1920 г.).

Советская сторона официально не признала не только аннексию Бессарабии, но и вхождение в состав Румынии Буковины. Так, правительство Украинской ССР 1 (2) мая 1919 г. обратилось к Румынии с ультимативной нотой, в которой ставило условие прекратить оккупацию Буковины румынскими войсками: «Освобожденные от ига Габсбургской династии рабочие и крестьяне Буковины были силой подчинены новому, отнюдь не лучшему гнету румынских помещиков и румынской династии Гогенцоллернов. Буковина, перед которой стояла определенная возможность освобождения, пала жертвой ненасытной румынской военной и гражданской олигархии. Украинская Социалистическая Советская Республика связана с Буковиной не только солидарностью, объединяющей массы рабочих всех стран, но и этнографическим сближением значительной части населения, самым решительным образом протестует против насилия румынского правительства над волей населения Буковины и доводит до сведения правительства Румынии, что правительство Украинской Социалистической Республики твердо решило всеми способами охранять право рабочих и крестьян Буковины на национальную независимость»²⁴.

На советско-румынской конференции в Вене в 1923 г. советская делегация (Н. Крестинский и Левицкий) добивалась для Буковины права на самоопределение. В 1924 г. Х. Раковский на последнем заседании советско-английской конференции провозгласил декларацию, в которой говорилось о том, что присоединение Буковины

к Румынии стало грубым нарушением международного договора 1916 г., и добивался для Буковины права на самоопределение: «С помощью союзников и, в частности, британского правительства Румыния получила по Сен-Жерменскому соглашению еще и другие территории, заселенные украинцами, а именно северо-восточную часть Буковины. Этот акт насилия со стороны Румынии противоречит договору, подписанному между Румынией, Россией и другими союзниками 4 августа 1916 года. Именем советского правительства советская делегация решительно протестует против акта насилия Румынии с помощью союзников, среди них и Англии. Буковинскому населению нужно дать право самому определить свою судьбу»²⁵.

Указанный документ интересен еще и тем, что в 20-х гг. прошлого столетия украинская советская сторона ставила вопрос только о северо-восточной части края (в то время как западная историография пытается приписать советским требованиям их распространение на всю – и Северную, и Южную – Буковину).

Реальная возможность для советской стороны решить в свою пользу давнишний территориальный спор с Румынией (причем не обязательно военными способами) возникла лишь в самом начале Второй мировой войны. Эта возможность основывалась на сотрудничестве с другими Великими державами, причем не только с нацистской Германией, но и буржуазно-демократической Великобританией и фашистской Италией.

С точки зрения действовавшего в 1918–1940 гг. международного права, румынская оккупация Бессарабии не могла быть легитимизована ни инициативой Сфатул Цэрий, ни решениями Версальской конференции о передаче региона Румынии. *Никто не может передать больше прав, чем имеет их сам.* Россия в Версале представлена не была и не рассматривалась как побежденное государство, чью территорию государства-победители имели бы право кромсать. И наоборот – румынский титул на Буковину, включая и северную ее часть, был вполне легитимным, его приобретение отвечало нормам *ius cogens* тогдашнего старого международного права, хотя и пребывало в противоречии с правом наций на самоопределение (норма *ius cogens* уже т. н. нового международного права).

Интересно отметить, что румынские власти уже летом 1940 г. воспринимали утрату Бессарабии (но не Северной Буковины) как закономерную. Косвенным свидетельством этого может служить обращение румынского премьер-министра Джигурту, направленное Гитлеру накануне переговоров в Крайове и Второго Венского арбитража. В этом документе румынский руководитель делал попытку разграничить уже свершившуюся потерю Бессарабии с возможностью новых уступок государственных территорий в пользу Болгарии

и Венгрии: «Бессарабия объединилась с Румынией в конце Первой мировой войны. Мы не боролись за это объединение, и, между прочим, это объединение не было одной из целей, какие мы преследовали в великой войне. Поэтому понятно, почему наш народ согласен с уступкой без всякой борьбы»²⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Яровий В.* Новітня історія Центральноєвропейських та Балканських країн ХХ століття: [підручник для вищих навчальних закладів]. К., 2005. С. 374.

2. *Головин Н.Н.* Военные усилия России в мировой войне. М., 2001. С. 170; *Виноградов В.Н.* Румыния в годы Первой мировой войны. М., 1969. С. 216–217.

3. *Franta pentru unirea tutor românelor* // *Glasul Bukovinei*. 1918. 24 noiembrie. (№ 10).

4. *Мельтюхов М.* Освободительный поход Сталина. М., 2006. С. 11.

5. ДВП СССР. Т. I. С. 89.

6. История Румынии. 1918-1970 / Редколегия: Н.И. Лебедев (отв. ред.) и др. М., 1970. С. 22.

7. *Адамчук І.Г.* Боротьба за державно-територіальний статус Північної Буковини, Акерманського, Ізмаїльського і Хотинського повітів Бессарабії, острова Зміїного та Закарпатської України у 1917–1947 рр. Історико-правове дослідження. К., 2007. С. 46.

8. ДВП. Т. I. С. 210.

9. *Адамчук І.Г.* Указ. соч. С. 45.

10. *Дюкарев В. В.* Приднестровье (прошлое, настоящее, будущее). Дубосары 1989-1992 гг. За кулисами политики. Тирасполь, 2000. С. 78–81.

11. *Дюкарев В.В.* Указ. соч. С. 81.

12. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. III. Выпуск 2. Акты дипломатии иностранных государств. М., 1929. С. 69.

13. *Cobban A.* The National State and National Self-Determination. New-York: Thomas J. Crowell Co, 1969. P. 92.

14. Документы внешней политики СССР. Т. I. 1 июля 1920 г. 18 марта 1921 г. М.: Госполитздат, 1959. С. 312.

15. Документы внешней политики СССР. Т. I. М.: Госполитздат, 1957. С. 66-67, 90, 241-242, 248-249; Документы внешней политики СССР. Том II. М., 1958. С. 66, 148-151, 171-172; Документы внешней политики СССР. Т. III. М., 1960. С. 488-492 и др.

16. *Копанский Я. М., Левит И. Э.* Советско-румынские отношения: 1929–1934 гг. От подписания Московского протокола до установления дипломатических отношений. М., 1970. С. 43.

17. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. III. От снятия блокады с Советской Россией до десятилетия

Октябрьской революции. Выпуск 1. Акты советской дипломатии. М., 1928. С. 354.

18. История дипломатии. Т. III. М.; Л., 1945. С. 53.

19. Лебедев И. И. СССР в мировой политике, 1917–1982. 2-е изд., доп. М., 1982. С. 354.

20. Буковина, її минуле і сучасне / під ред. Д. Квітковського, Т. Бриндзана, А. Жуковського. Париж; Філадельфія; Дітройт, 1956. С. 321; Micu S. Istoria românilor. București, 1995. Vol. I. P. 29–30.

21. Lupescu I. Monumentele unirii. București, 1985. P. 34.

22. История Румынии: пер. с рум. / И. Болован, И.А. Поп (координаторы) и др. М., 2005. С. 555.

23. Șarșă F. Diplomația americană și problema Bucovinei. Țara Fagilor, 1996. P. 40–44.

24. Канюк С. І. Буковина в румунській неволі. Харків, 1930. С. 130.

25. Канюк С. І. Указ. соч. С. 130.

26. Русско-румынские и советско-румынские отношения. Сб. статей и сообщений / Редкол.: В. Я. Гросул и др. Кишинев, 1969. С. 104–105.

Дьени ГАБОР

ВЕНГРИЯ, СССР И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПОТЕРИ ВЕЛИКОЙ РУМЫНИИ В 1940 г.: УРОКИ ИСТОРИИ

Для историков-русистов, интересующихся российско-венгерскими отношениями, представляет показательный пример союзничества против Румынии, которое сложилось между нашими странами на начальном периоде Второй мировой войны, в 1940 г.

В последнее время, кроме существовавших «Дипломатических документов по внешней политике Венгрии» (на венгерском языке) и сборника «Трансильванский вопрос» (на русском языке), были опубликованы новые источники, которые предоставляют новую информацию по этой проблематике. В 2008 г. при поддержке фонда «Демократия» (фонд Яковлева) вышел в свет сборник документов «Военная разведка информирует. Январь 1939 – июнь 1941» – донесения советской военной разведки с 1939 по июнь 1941 г. В нем приводятся аналитические записки разведуправления Красной армии, донесения военных атташе при посольствах СССР за рубежом и прочие агентурные сообщения, содержащие ценную информацию не только о военном, но и о внешнеполитическом и стратегическом мышлении советского руководства на начальном этапе войны.

Румыния и «новорожденные» государственные образования – Польша, Чехословакия и Югославия (два последних государства не имели исторического предшественника) и их покровители (прежде всего Франция и Великобритания) являлись «столпами» Версальской системы международных отношений, нового европейского порядка после Первой мировой войны. С другой стороны, Германия, Венгрия, СССР (Россия), Болгария, как потерпевшие поражение в войне и, в частности, Италия, имели претензии к этой новой европейской архитектуре безопасности. Так что предпосылки конфликта уже непосредственно после Первой мировой войны были очевидны (недаром маршал Фердинанд Фош сказал о Версальском мире, что это не мир, а перемирие на 20 лет).

Доклад был зачитан на международной научной конференции «Присоединение Бессарабии к России в свете многовекового молдо-российско-украинского сотрудничества» (Кишинев, 1-5 апреля 2012 г.).

Наш общий с СССР интерес особенно четко был направлен против Великой Румынии - ведь к этой стране и Венгрия, и СССР имели территориальные претензии. Как известно, Румыния в результате Трианонского договора получила всю Трансильванию, Парциум, восточную часть Баната и венгерской низменности (всего 102 тыс. км² с 5,2 млн человек - 31,7 % всей территории бывшей Венгрии). На этих территориях венгерское большинство (по данным последней венгерской переписи 1910 г.) было отмечено не только в Секейфелде и Восточных Карпатах, но и непосредственно возле румыно-венгерской границы и в крупных городах Трансильвании (хотя в Трансильвании приблизительно с конца XVII века проживало румынское большинство). По данным румынской переписи населения 1930 г., в областях Чиук (86 %), Муреш (46 %), Одорхеи (95 %), Треи-Скауне (87 %) преобладало венгерское население (данные по родному языку), а в следующих крупных трансильванских городах (municipiul) также было отмечено венгерское большинство (данные по родному языку): Арад (53 %), Орадеа (67 %), Брашов (42 %), Клуж (54 %), Тыргу Муреш (66 %), Сату-Маре (59 %), Тимишоара (35 %).¹ А у России Румыния захватила Бессарабскую губернию.

В Венгрии после революционных событий 1918-1919 гг. установился консервативный режим адмирала (с 1920 г. - регент Венгрии) Миклоша Хорти. Несмотря на идеологические противоречия и антисоветские шаги венгерского руководства (во время польско-советско-русской войны 1920 г. Будапешт был готов и военным путем поддержать Варшаву, но Чехословакия не пустила через свою территорию венгерские войска)², общий интерес был ясен и для режима адмирала Хорти. Кроме дела венгерских военнопленных, которое было завершено в 1921 г., темой первых дипломатических контактов между СССР и Венгрией стало возможное союзничество двух стран против Румынии. Союзничество не только дипломатическое, но и военное. 24 апреля и 2 мая 1922 г. на международной конференции в Генуе между главами внешнеполитических ведомств - наркомом Г.В. Чичериным и Миклошем Банффи - шли переговоры о возможном сотрудничестве между нашими странами. По запискам Банффи известно, что Г.В. Чичерин 2 мая заявил, что Советская Россия не признает аннексию Трансильвании Румынией. Также он не исключил возможности, что Москва предпримет военные действия против Румынии, поскольку Бухарест активно поддерживает белое движение. Банффи со своей стороны пообещал венгерскую военную помощь Москве против Румынии в том случае, если Будапешт узнает точную дату советской военной акции. Но поскольку ее точная дата не была названа, дипломаты договорились, что обсуждения воз-

можного военного союза продолжаться. Однако они из-за отказа венгерской стороны были прекращены³.

Несмотря на общий интерес, между Венгрией и СССР по идеологическим причинам не сразу установились дипломатические отношения. Миклош Хорти все время своего правления негативно относился к советской власти (он еще в октябре 1932 г. составил меморандум с призывом к лидерам мировых держав заключить союз против СССР и большевизма и позже, в 1941 г., воспринимал войну против Советского Союза как «крестовый поход против большевизма»)⁴. Венгерско-советские дипломатические отношения были установлены лишь в феврале 1934 г. при посредничестве итальянской дипломатии.

Важно отметить, что Венгрия и венгерские стремления к территориальной ревизии в период между двумя мировыми войнами остались на периферии важных европейских дел, и Будапешт к концу 30-х гг. все более сближался с Германией. Именно благодаря союзу с Германией и Италией Венгрия, начиная с 1938 г., смогла частично реализовать свои ревизионистские планы. После Первого венского арбитража (2 ноября 1938 г.) Венгрия вернула территорию Южной Чехословакии - южную полосу страны, где проживало компактное венгерское население (с городами Кошице, Мукачево, Ужгород, Берегово - всего 11 900 км² с населением 869,3 тыс. человек, из них 86,5 % венгров)⁵.

Весной 1939 г., когда Чехословакия прекратила свое существование, венгерские войска вторглись и в Подкарпатскую Русь, где во главе с Августином Волошиным было сформировано независимое правительство (Карпатская Украина).

Военные формирования Подкарпатской Руси (самопровозглашенной Карпатской Украины) оказали военное сопротивление венгерским войскам. Хуст обратился к Румынии с просьбой, чтобы Бухарест взял под свою защиту этот регион, однако тот отказал - румынское руководство не хотело конфронтации с Венгрией из-за карпатских земель. Тем не менее, Румыния в связи с чехословацкими событиями уже в 1939 г. начала частичную мобилизацию⁶. 19 марта 1939 г., когда венгерские войска практически полностью вернули Закарпатье, министром иностранных дел Карпатской Украины была отправлена и в Берлин такая же безуспешная просьба, чтобы Германия взяла Карпатскую Украину под свою защиту (по данным советских разведорганов, в 1939 г. существовал сценарий, что Третий рейх после ликвидации Чехословакии захватит и Венгрию)⁷.

Весной 1939 г. Франция и Англия дали гарантии Греции, Польше, Румынии и Турции на случай возникновения для них военной угро-